

art&cult

арткульт

Российский государственный гуманитарный университет / Факультет истории искусства

№8 (4-2012)

А.А. Фомин

ПРОБЛЕМА "ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО КРУГА" В СВЕТЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ: ПРОТЕСТАНТСКИЙ ЭТОС В АМЕРИКАНСКОЙ КРИТИКЕ РОМАНОВ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

В данной статье, на примере ряда известных американских литературоведческих работ, посвященных романам Ф.М. Достоевского, поднимается проблема диалога и взаимопонимания культур, проблема трансляции и восприятия культурных кодов. Автором приводятся примеры того, как идеи великого русского писателя воспринимаются и трактуются через призму протестантской философии и морали, близкой рассматриваемым критикам. Вместе с тем, речь идет и об особенностях, опасностях и самой возможности «понимания» и «толкования» художественного текста.

Ключевые слова: толкование текста, герменевтика, Достоевский, протестантизм, американская литературная критика, диалог культур, художественный текст

This article is dedicated to the problem of intercultural dialogue and specifically to the problem of translation, perception and understanding the foreign cultural codes. Using as basis the known literary works devoted to Dostoevsky's novels the author gives a set of examples of how American critics perceive and treat the ideas of the Great Russian writer through their own Protestant moral and philosophy. At the same time, the issues like peculiarities, dangers and the possibility of "understanding" and "interpreting" an art text are touched upon in the article.

Keywords: text interpretation, hermeneutics, Dostoevsky, Protestantism, American literary criticism, dialogue of cultures, literature as art

Фомин А.А. - аспирант УНЦ «Кино и современное искусство» ФИИ РГГУ. E-mail: kafka111@mail.ru.

Проблема герменевтического круга поднималась многими известными учеными, такими как Шлейермахер, Хайдеггер, Дильтей и Гадамер. Эта проблема является частью более общего философского вопроса рассматриваемого еще в античности: о соотношении части и целого. Имея дело с любым текстом, мы можем понять его, только поняв части, из которых он состоит (главы, предложения, слова), но в то же самое время, чтобы понимать части

текста, нам необходимо иметь хоть какое-то представление о тексте в целом. Таким образом, под сомнение ставится сам процесс понимания, подобно тому, как известная апория об Ахиллесе и черепахе ставила под сомнение движение.

Попытку разорвать замкнутый герменевтический круг сделал Хайдеггер в «Бытие и времени», введя понятия «предмнение, предусмотрение, предвосхищение»¹. По его словам, рассматривая части текста (а знакомимся мы, в любом случае, сначала с частью текста) мы уже имеем в сознании некоторый его предварительный образ. То есть наш личный опыт, традиции, менталитет, собственные размышления конструируют некоторый предтекст, который в процессе чтения коррелируется с текстом автора. «И понимание того, что «стоит» на бумаге, заключается, собственно говоря, в том, чтобы разрабатывать такую предварительную проекцию смысла, которая, впрочем, постоянно пересматривается в зависимости оттого, что получается при дальнейшем вникании в смысл»².

То есть мы либо находим, либо не находим в тексте соответствие своему «предмнению», и только после этого у нас складывается полноценное мнение о нем. «Вполне оправдано то, что толкователь не устремляется напрямую к «тексту», — напротив, питаясь сложившимся в нем предмнением, он поверяет живущее в нем предмнение на предмет его правомерности, то есть его источника и применимости»³.

Таким образом, воспринимая любой текст, к примеру, художественный, который относится совсем к другой культуре, включает в себе совсем не близкую нам философию и мировоззрение, мы, все же, понимаем его через наш собственный взгляд на мир и предрассудки. Иными словами мы во многом пишем в голове свой собственный роман или повесть, мы изначально вкладываем в него свои смыслы и идеи, чтобы потом, либо найти им подтверждение, либо прийти к новым. «Собственные предмнения и присуждения будут усвоены как нечто вполне различимое»⁴. В голове читателя создается каждый раз своя уникальная художественная реальность, лишь вдохновлённая реальностью, созданной воображением автора. «Чужие мнения полагаются в известное отношение к совокупности собственных мнений»⁵. В конечном

¹ Хайдеггер «Бытие и время». М.: Академический проект. Стр. 128

² Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного М.: Искусство, 1991. Стр. 74

³ Там же. Стр. 75

⁴ Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного М.: Искусство, 1991. Стр. 77

⁵ Там же. Стр. 76

счете, то, что на самом деле имел в виду автор, что он вкладывал в свой текст, никогда не будет известно другому человеку на сто процентов. «Фильтрация подлинного смысла, заключенного в тексте или в художественном создании, есть бесконечный процесс»⁶.

Полагаю, нет никакой необходимости сравнивать различные научные «толкования» художественного текста (критические статьи, анализы, разборы) на предмет их соответствия задумке автора. Писатель, следует признать, а уж если речь идет о Ф.М. Достоевском, тем более, творит свои произведения под влиянием вдохновения, некоего подсознательного наития. Скорее всего, даже сам автор уже не имеет права претендовать на безусловную подлинность в интерпретации своего собственного произведения. По-нашему глубокому убеждению, создание подлинного произведения искусства является своего рода мистерией, откровением, чудом. Смыслы, имманентные тексту, порой оказываются трансцендентны сознанию автора (заметим, как часто бывало, что автор предсказывал в книге свою собственную судьбу, не ведая об этом), а потому любое взвешенное и систематическое толкование имеет право на жизнь. И даже если некоторые идеи критиков кажутся нам неадекватным культуре и менталитету автора, что мы и будем иметь ниже, это не значит, что выбранный текст данных идей в себе не несет.

В этой статье хотелось бы рассмотреть ту призму, то «предмнение» и «предпонимание», сквозь которое американский читатель воспринимает романы Ф.М. Достоевского. Изучив американскую литературную критику, можно сделать вывод, что эта призма во много обусловлена протестантским мышлением и миропониманием.

Конечно же, США является многоконфессиональной страной и далеко не все ее жители верующие протестанты. Однако мы, вслед за Максом Вебером, можем утверждать, что протестантская философия создала «дух современного капиталистического этоса»⁷. Протестантство, в широком смысле (лютеранство, кальвинизм, англиканство, баптизм, квакерство, пуританские секты) оказали сильное влияние «на современный англо-саксонский национальный характер»⁸. Начиная с Нового времени, идеи реформации создали «новый склад характера»⁹, они оказали необратимое «психологическое воздействие

⁶ Там же. Стр. 79

⁷ Социологическая мысль Запада, «Макс Вебер. Протестантская этика и дух капитализма». М.: Прогресс, 1990. Стр. 111

⁸ Эрих Фромм. «Бегство от свободы». М: АСТ, 2009. Стр. 55

⁹ Там же. Стр. 56

на людей»¹⁰, и даже более того, в западном обществе они «стояли у колыбели современного экономического человека»¹¹, повлияли на «создание индивида в современном смысле этого слова»¹².

В виду всего этого, американские литературные критики, рассмотренные ниже, имея дело с философией и художественными особенностями романов Достоевского, несомненно, стремясь к объективности и обладая определенными знаниями, как об авторе, так и об культурно-историческом контексте, все же не могли выйти за рамки собственного сознания, собственного «предмнения», сложившегося во многом под влиянием доминирующего в американском обществе протестантского взгляда на мир.

Занимаясь анализами романов, они, конечно же, сами не проводили никаких параллелей с философией предопределения Кальвина или философией призвания (calling) Лютера. Однако в их исследованиях мы находим некоторые мысли и идеи, которые невозможно встретить у отечественных исследователей Достоевского, таких как Бахтин, Милетинский, Булгаков, Долинин и других. Несомненно, какие-то из этих мыслей обусловлены лишь креативностью их автора, однако многие из них повторяются в нескольких статьях разных авторов. Именно они, как нам кажется, и являются своеобразным «архетипом» протестантского восприятия.

Повторю, что мы ни в коем случае не собираемся выяснять, соответствуют ли выводы американских исследователей действительности, так как никаких представление о «действительности» мы не имеем. Как нам показалось, некоторые рассмотренные тезисы вполне доказательны и имеют право на существование, более того, они могут быть развиты и продолжены в соответствующем им ключе.

В своей книге «Философия и Романы» Питер Джонс пишет: «все герои Достоевского – это либо бесы и химеры, либо павшие, но живые праведники»¹³. Автор развивает мысль о том, что, не смотря на многие схожие черты и родство характеров, в романе «Преступление и наказание» существует четко очерченная грань между положительными и отрицательными героями. Подобную же идею развивает и Экслер в статьях о «Европейские романы». В его понимании «рожденный под несчастной звездой Смердяков был

¹⁰ Там же. Стр. 61

¹¹ Социологическая мысль Запада, «Макс Вебер. Протестантская этика и дух капитализма». М.: Прогресс, 1990. Стр. 151

¹² Эрих Фромм. «Бегство от свободы». М: АСТ, 2009. Стр. 49

¹³ Peter Jones. Philosophy and the Novel: Philosophical Aspects of «Crime and Punishment», «The Brothers Karamazov». Oxford University Press 1975. Стр. 40

обречен на совершение чего-то ужасного». Тогда как в другой главе, посвященной Дмитрию и Ивану, он отмечает, «герои стали пленниками: в одном случае своих страстей, в другом своих идей... но их суть рано или поздно должна была вырваться наружу»¹⁴. В главе, посвященной «Преступлению и наказанию», критик придерживается тех же мыслей по отношению к Родиону Раскольникову: «преступление не свойственно душе героя, совершив его, он чувствует потерянность, утрату своего пути, расстройство собственного я»¹⁵. Исследователи сходятся в том, что такие герои как Раскольников, Дмитрий и Иван Карамазовы обречены на спасение, доказательством чего служат их физические и моральные страдания, раскаяние и стыд. Но самое интересное то, что они начинают чувствовать себя как бы «не в свой тарелке» или «в чужой коже», впад в грех, они теряют себя, свою личность. В то время как такие герои как Свидригайлов или Смердяков своей идентичности не теряют, а напротив, можно сказать, даже обретают ее, раскрывают себя, свое подлинное естество, через преступление.

То есть в данной критике на лицо очевидное противопоставление тех героев, для которых преступление является переломом, сворачиванием с подлинного пути, ошибкой, и героями, в которых контраста мироощущения «до» и «после» преступления не наблюдается. Подобная дифференциация не была нами замечена в русской литературной критике. Для Бахтина все герои Достоевского «так или иначе маски»¹⁶, они все притворяются и стараются играть кого-то другого. Он не разделяет их на тех, для кого это в тягость, а для кого нет. У Долинина сказано об «общем скелете»¹⁷ всех четырех братьев Карамазовых, и он тоже не видит ни в ком изначальной, врожденной предрасположенности к преступлению. Нет подобных измышлений и у Бердяева, Булгакова или Мелетинского.

В русской критической традиции принято выделять таких героев как Соня Мармеладова и князь Мышкин в качестве носителей идеала, праведников. Остальные же, почти в равной степени, являются грешниками, по-разному сосуществующими со своим пороками. Но в действительности нельзя не признать, что совершив преступление, одни герои находят в себе силы признаться в этом и добровольно принять наказание (Раскольников, Иван Карамазов), для других же, как пишет Ван дер Энг, грех становится «непреодоли-

¹⁴ M. Exler. «European novels», Indiana University Press, 2005. Стр. 369

¹⁵ Там же. Стр. 366

¹⁶ Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва 1972. Стр. 246

¹⁷ А. С. Долинин. Последние романы Достоевского. Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М.-Л.: Советский писатель 1963 Стр. 285

мой преградой», которую они уже не в силах пережить. Они не способны на подлинное раскаяние, которое противоречит их «прогнившей душе»¹⁸, что и приводит их к единственному возможному концу – самоубийству (Свидригайлов, Смердяков).

Приняв во внимание данные тезисы, сопоставим их с теми, которые мы можем обнаружить в философии предопределения Кальвина. В третьей главе Вестминстерского исповедания веры 1648 года, главного документа пресвитерианских и кальвинистских церквей, мы находим: «Бог решением своим и для проявления величия своего предопределил (predestinated) одних людей к вечной жизни, других присудил (foreordained) к вечной смерти». И далее в седьмой главе: «И угодно было Богу по неисповедимым решению и воле Его, по которым Он дарует благодать или отказывает в ней, как угодно будет Ему, для возвеличения неограниченной власти своей над творениями своими лишить остальных людей милости своей и предопределить их к бесчестию и гневу за грехи их во славу своей высокой справедливости»¹⁹.

У Кальвина мысль о предопределении представлена самым радикальным способом, однако так или иначе она встречается и у других протестантских мыслителей. Человек, предопределенный к спасению, предопределен к нему окончательно и ничто не может отменить божью благодать. Данная избранность определяется в состоятельности его земной жизни, в его вере, труде, успехах и образе жизни. Если же подобный человек совершает нечто скверное, то совесть и стыд подскажут ему, что он все равно может надеяться на Божье прощение.

«Всевышней осенит благодатью избранных своих еще в этой жизни»²⁰. То есть результаты земной жизни являются явными сигналами избранности к жизни вечной. В этом случае то, что Дмитрий и Родион получают наказание и искупят свои прегрешения еще в земной жизни, а так же то, что оба они не оказываются в полном одиночестве (и Соня, и Грушенка едут за своими возлюбленными в Сибирь), тоже может быть расценено как сигнал к их избранности. И наоборот, безуспешность побега Смердякова, его одиночество и непонимание Иваном, ощущение ненужности и неудачи с Дуней Свидригайлова, свидетельствуют об их обреченности.

Для американских исследователей Раскольников, убив старуху-процентщицу, не перестает быть добрым человеком, не теряет пути к спасению. Его душа тяготится грехом и ищет искупления. Свидригайлов же, который,

¹⁸ Van der Eng J., Meijer J.M. "The brothers Karamazov" by F.M. Dostoevskiy. The Hague; P., 1971. Стр. 104

¹⁹ Вестминстерское исповедание веры 1648 года.

²⁰ Социологическая мысль Запада, «Макс Вебер. Протестантская этика и дух капитализма». М.: Прогресс, 1990. Стр. 244

как ясно из романа, отравил свою жену, обречен. Чтобы он не делал, он сам чувствует, что пути к спасению нет, он сам в него не верит. Ему мистическим образом отчетливо видится его загробная жизнь в виде маленькой пустой комнаты с пауками по углам. В ходе романа он пытается помочь Раскольникову, он завещает все свои деньги бедной девочке, к которой сватается, перед самым самоубийством мирит на вокзале двух купцов, однако ничего из этого не приносит ему даже намек на надежду. В «Братьях Карамазовых», как отмечает Джонс, Иван и Дмитрий, являясь косвенными виновниками смерти отца, чувствуют раскаяние и вину. Смердяков же чувствует нечто иное, он чувствует досаду на то, что у него ничего не получилось. Он чувствует одиночество и обреченность.

Если рассматривать Достоевского как творца своей художественной реальности, то в понимании американцев он сам «по неисповедимому решению»²¹ одарил одних героев душой, открытой к спасению, другим не дал ни единого шанса.

Если нам самим попробовать развить тезисы американских критиков, то можно найти к ним действительно много доказательств. Скажем, знаменитый монолог Мармеладова вполне справедливо может быть истолкован в духе протестантства. Люди, даже совершившие грехи и ведущие скверный образ жизни, все равно будут прощены и спасены одной только волею и милостью Божьей: «И всех рассудит и простит, и добрых и злых, и премудрых и смиренных... И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: "Выходите, скажет, и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники!" И мы выйдем все, не стыдясь, и станем. «...» И скажет: "Потому их приемлю, премудрые, потому приемлю, разумные, что ни единый из сих сам не считал себя достойным сего..." И прострет к нам руце свои, и мы припадем... и заплачем... и всё поймем! Тогда всё поймем!..."»²²

И сравним этот монолог с пятой главой Вестминстерского исповедания: «Тех людей, которые предопределены к жизни, Бог еще до основания мира избрал для спасения во Христе и вечного блаженства по вечному неизменному намерению своему, тайным решением и свободной волей своей; и сделал Он это из чистой и свободной милости и любви, а не потому, что видел причину или предпосылку этого в вере, добрых делах и в любви, в усердии в чем-либо из перечисленного или в каких-либо других чертах сотворенных им созданий: свершил Он все это к вящей славе высокого милосердия своего».²³

²¹ Там же. Стр. 80

²² Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание», СПб.: Азбука-классика, 2010. Стр. 24

²³ Вестминстерское исповедание веры 1648 года.

Но как же получается, что герои-праведники совершают преступление. Помимо разных социальных и философских причин, которые находят как отечественные, так и американские критики, в рассматриваемых статьях существуют две, которые показались нам наиболее интересными.

Первая – метафизическое влияние зла. Влияние темных сил, впрочем, отмечают и русские исследователи. Сам Достоевский в эпизоде разговора Ивана и беса пишет, будто Бог и дьявол «играют в шахматы»²⁴ за души людей. Герои-преступники у него всегда ощущают какое-то внешнее необъяснимое давление. «Последний же день, так нечаянно наступивший и всё разом порешивший, подействовал на него почти совсем механически: как будто его кто-то взял за руку и потянул за собой, неотразимо, слепо, с неестественной силой, без возражений. Точно он попал клочком одежды в колесо машины, и его начало в нее втягивать»²⁵. Впрочем, оно может быть не только отрицательным. Существуют и светлые, добрые силы. Дмитрий часто повторяет, что его словно «ангел-хранитель уберег»²⁶ от убийства отца в роковую ночь. Но, если в нашей традиции принято считать, что борьба добра и зла происходит в человеке постоянно, и последнее слово все равно в итоге остается за человеком, американские критики придают большее значение внешним обстоятельствам, фатализму происходящего. Для них Дмитрий «несправедливо обвиненный», «жертва ужасных обстоятельств», «мученик»²⁷. В голливудской экранизации режиссер даже позволяет себе сделать счастливый конец, в котором Дмитрий и Грушенка сбегают с каторги. В американской критике нет такого однозначного укора главному герою, ответственность за преступление он хотя бы отчасти делит и с независимыми от него силами. Подобный ход мысли заставляет нас вспомнить слова Лютера: "...Так что человеческая воля подобна скотине между двумя всадниками. Сядет на нее бог, она хочет и идет, как хочет бог; как сказано в псалмах: "Как скот был я пред Тобою. Но я всегда с Тобою". Сядет на нее сатана, она хочет и идет, как хочет сатана. Не в ее силах выбрать, к какому всаднику бежать или какого искать, но и они сами состязаются, кто возьмет ее и удержит"²⁸.

²⁴ Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы. АСТ Москва, 2009. Стр. 534

²⁵ Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание», СПб.: Азбука-классика, 2010. Стр. 103

²⁶ Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы. АСТ Москва, 2009. Стр. 670

²⁷ М. Exler. «European novels», Indiana University Press, 2005. Стр. 360

²⁸ Социологическая мысль Запада, «Макс Вебер. Протестантская этика и дух капитализма». М.: Прогресс, 1990. Стр. 179

Именно из-за этого сходства с идеями протестантизма, как нам кажется, мистицизм и метафизика Достоевского так близка западному читателю. Близок ему и тот фатализм, с которым совершаются те или иные трагические события. «Никакими усилиями человек не может изменить свою судьбу», однако, как уже было сказано выше, «сам факт его усилий является знаком его принадлежности к спасенным»²⁹. Интерес для американских критиков представляет и замысел Достоевского о продолжении Карамазовых, в котором Алеша так же встает на путь греха³⁰. Практически все они делают акцент на том обстоятельстве, что и Алеша, и Соня не избежали злого рока судьбы и в моральном отношении, у каждого из них есть свои слабые стороны. И в этом тоже можно разглядеть стереотип протестантского мышления. «Никогда в жизни человек не может стать вполне праведным, потому что его природная порочность никогда не исчезает окончательно»³¹.

Вторая любопытная причина совершения преступления связана с так называемой идеей «призвания». В отечественной критике мы не находили хоть сколько-нибудь заметного внимания к тому обстоятельству, что и Раскольников и Дмитрий оказываются на момент ключевых событий ничем не заняты. Один вынужден покинуть университет, другой бросает службу. Однако на это обращают большое внимание американские критики. «Уйдя со службы, Дмитрий не может найти применению своему силам.... Не может найти себе места»³². В другой статье отмечается, что безделье Раскольникова делает его «более уязвимым»³³. Оба героя, как замечается в статьях, находят неправильное применение своим способностям, своей энергии. Свободные от любого рода занятий, они получают достаточно времени для кутежа (Дмитрий) или для подготовки преступления (Раскольников). Актер, исполняющий роль Дмитрия в голливудском фильме, в середине картины произносит: «Зачем я бросил службу. Я ведь больше ничего не умею». Белкнап и Джонс в оппозицию этим героям ставят, в одном случае Разумихина, который занимается переводами, в другом - Алешу, который учит детей. Помимо пользы, которой они приносят, их деятельность дает им некоторую опору, стержень, удерживает от страстей и нигилизма.

²⁹ Там же. Стр. 331

³⁰ Е.М. Мелетинский. Заметки о творчестве Достоевского. М.: РГГУ 2001. Стр.169

³¹ Эрих Фромм. «Бегство от свободы». М: АСТ, 2009. Стр. 89

³² Van der Eng J., Meijer J.M. "The brothers Karamazov" by F.M. Dostoevskiy. The Hague; P., 1971. Стр. 120

³³ Peter Jones. Philosophy and the Novel: Philosophical Aspects of «Crime and Punishment», «The Brothers Karamazov». Oxford University Press 1975. Стр. 72

И опять мы видим совершенно иную, по отношению к привычной для нас, перспективу зрения американских критиков. В протестантской философии работа, труд, призвание человека имеет огромное значение. Его профессия – это, по сути, его крест, его служение Богу, место, отведенное ему всевышним. «Труд служит специфической превентивной мерой против всех – достаточно серьезных – искушений»³⁴. Более того, труд может помочь и в моральном выборе «индивид должен быть деятелен, чтобы побороть свое чувство сомнения и бессилия»³⁵. Как пишет Вебер, для протестанта «профессиональное призвание есть то, что человек должен *принять* как веление Господне, с чем он должен «мириться»; этот оттенок преобладает у Лютера, хотя в его учении есть и другая идея, согласно которой профессиональная деятельность является задачей, поставленной перед человеком Богом, притом *главной задачей*»³⁶.

Еще одно весьма любопытное замечание встречается в работе Белкнапа «Создание Братьев Карамазовых»: «Все герои Достоевского склонны к самонаказанию (self-punishment), каждый из них в той или иной степени нуждается, страстно желает быть наказанным за свои пороки»³⁷. Далее он развивает свою мысль о том, что герои имеют почти патологическую склонность, если не к мазохизму в его чистом виде, но как минимум к усугублению, усилению своих мучений. Они, и без того страдая, стараются «вдобавок себя опозорить перед обществом»³⁸. Нельзя не согласиться с Белкнапом, что находясь в незавидном положении, герои Достоевского предпочитают, раз уж итак все плохо, довести себя до отчаяния, унизиться, признаться в чем-то сокровенном. Примером тому может служить и Мармеладов, и Катерина Ивановна, и Грушенка. Стремление получить наказание как можно более строгое и отсутствие желания защищаться проявляется и в поведении Раскольникова, и в поведении Дмитрия на судебных заседаниях. Раскольников ни сколько не защищает себя во время заседания, Дмитрий же, хоть и отрицает свою вину, признается попутно в других своих проступках, чем унижается перед собравшимися и рисует в их глазах свой весьма нелицеприятный образ.

У русских критиков мы вместо понятия самонаказание, чаще встречаем «муки совести», «раскаяние», «стыд». То есть это не человек сам себя наказывает, это что-то внутри него, что-то, что сильнее его, что имеет власть над его душой. Самонаказание же предполагает осознанность и волевое ре-

³⁴ Социологическая мысль Запада, «Макс Вебер. Протестантская этика и дух капитализма». М.: Прогресс, 1990. Стр. 214

³⁵ Эрих Фромм. «Бегство от свободы». М: АСТ, 2009. Стр. 69

³⁶ Социологическая мысль Запада, «Макс Вебер. Протестантская этика и дух капитализма». М.: Прогресс, 1990. Стр. 210

³⁷ Robert L. Belknap. The genesis of the Brothers Karamazov: the aesthetics, ideology and psychology of text making. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 1990. Стр. 129

³⁸ Там же. Стр. 132

шение. Оно, в определенной мере, свойственно именно протестантскому, точнее пуританскому, мироощущению. Поскольку спасение человека итак предопределено и Бог в любом случае простит его, по мнению Вебера и Фромма возникает некоторое ощущение стыда перед Богом, и желание самого себя наказать. «Лишь если человек унизит себя, откажется от своей воли, от своей гордыни, только тогда снизойдет на него милость господня»³⁹. Признаваясь незнакомым людям во всех своих грехах, зачастую исповедуюсь и, раскаяваясь перед малознакомыми людьми, герои Достоевского ищут искупление грехов, словно настоящие пуритане: «через полное самоуничтожение в сочетании с непрерывным и богоугодным усилием»⁴⁰.

Таким образом, поведение многих персонажей толкуется американцами не как истерика или психоз, а как сознательный акт, акт веры.

В конце следует перейти к одному из главных аспектов зарубежных исследований Достоевского, непосредственно к изучению авторской позиции и философии. В американской традиции она названа «позитивная моральная доктрина»⁴¹. Когда критики излагают ее суть, они приводят слова старца Зосимы о том, что каждый человек ответственен за каждое преступление, совершенное в этом мире, потому что он так или иначе позволил ему совершиться. Отечественные критики приводят ту же самую цитату, однако учеными из разных стран делаются абсолютно разные выводы.

Если Долининым отмечается, что слова Зосимы говорят нам о том, что в мире не существует «невиновных», что раз есть зло, значит, каждый из нас в этом виноват. В духе почвенничества и близкой к нему идеи соборности, русские исследователи делают вывод о взаимосвязи всего человечества и взаимответственности, говорят о том, что каждый из нас, не много не мало, микрокосм, в какой-то степени, несущий на плечах весь мир и соучастный всем его событиям.

Американские критики понимают слова Зосимы несколько иначе. Белкнап и Ван дер Энг считают, что философия Достоевского состоит в том, чтобы делать «как можно больше хороших дел»⁴². Чтобы нести добро сообразно своим силам, преумножать его. Это почти «тория малых дел», она не взваливает на нас проблемы вселенной, а требует личной ответственности лишь за свои собственные поступки. «Позитивная моральная доктрина» это в первую

³⁹ Эрих Фромм. «Бегство от свободы». М: АСТ, 2009. Стр. 62

⁴⁰ Там же. Стр. 66

⁴¹ Robert L. Belknap. The genesis of the Brothers Karamazov: the aesthetics, ideology and psychology of text making. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 1990. Стр. 156

⁴² Там же. Стр. 157

очередь призыв к действию, а не к размышлению. Это призыв творить добро на своем месте, заниматься своим делом и заниматься им хорошо. Если действительно признать Достоевского автором «позитивной моральной доктрины», как ее понимают американские ученые, то Федра Михайловича можно считать самым значительным и самым последовательным учеником Лютера, Кальвина, а в особенности же Бенджамина Франклина.

Именно Франклин в своей знаменитой автобиографии говорит о «благих малых делах»⁴³, о добре «на местах» и ответственности, в первую очередь, за свой труд. Протестантство в целом и американский пуританизм в частности, по мнению Фромма и Вебера, склонен к индивидуализму, «уходу во внутренний мир»⁴⁴, созданию собственной среды обитания и очерчиванию ее рамок. Каждый из нас ответственен за судьбу мира, но он не может сыграть роль большую, чем отвел ему Бог. Добросовестный труд и следование своему призванию – это и есть творение добра и верность Богу.

Выводы, сделанные авторами американских критических статей, представляются нам ничуть не менее основательными и доказательными, чем выводы отечественных ученых. Однако в их идеях и размышлениях мы находим достаточно ярко выраженные и существенные параллели с протестантскими воззрениями, которых у Достоевского, насколько это известно, не было. В своих дневниках и статьях, Достоевский ни разу не указывал на близость своих размышлений к философии Лютера, Кальвина или пуритан. О протестантстве в его творчестве даже не упоминалось, чего нельзя сказать о католицизме. Католицизм достаточно часто и в художественной и в публицистической прозе автора рассматривается в негативном свете и даже осуждается. Вспомним, к примеру, монолог Мышкина о католицизме: «Католичество - все равно, что вера нехристианская. Да, нехристианская, - это во-первых. А во-вторых, католичество римское даже хуже самого атеизма. Атеизм только проповедует нуль, а католицизм идет дальше: он искаженного Христа проповедует, им же оболганного и поруганного, Христа противоположного!»⁴⁵.

К Америке автор, тем более любви не питал. Дмитрий Карамазов «Америку ненавижу! Не мои они люди, не моей души!»⁴⁶

Сложно говорить о каком-либо существенном влиянии протестантизма на мировоззрение Достоевского. Разве что, в шутку сказать, его поездки

⁴³ Жизнь Вениамина Франклина. Автобиография. <http://amstd.spb.ru/Library/sources/franklin.htm>

⁴⁴ Эрих Фромм. «Бегство от свободы». М: АСТ, 2009. Стр. 80

⁴⁵ Ф.М. Достоевский. Идиот. АСТ Москва, 2008. Стр. 434

⁴⁶ Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы. АСТ Москва, 2009. Стр. 503

по Германии и Швейцарии могли вдохновить или навеять что-то протестантское. Однако повторим, это не делает идеи американских критиков и наши сопоставления менее жизнеспособными, чем, скажем, идеи Бахтина об углублении писателя в «низовую карнавальную культуру»⁴⁷.

Дело в том, как нам кажется, что произведение, после своего издания, начинает жить собственной жизнью, а мы все, читатели, в свою очередь, становимся его соавторами. Мы находим и открываем в книге только то, что «подразумеваем» найти, то, что способны найти. В конечно счете книга не являет нам какие-то новые, уже готовые, истины, а лишь вдохновляет нас, помогает нашим собственным размышлениям и мыслям. Возможно по этому, когда мы перечитываем книги спустя много лет, они кажутся нам совсем другими, кажется, что они написаны совсем о другом.

Многие сегодня говорят, о том, что искусство должно дать людям ценности, смысл жизни, даже идеологию. Однако на наш взгляд, книга или фильм, это на Божественный скрижали, ниспосланные Богом Моисею. Это лишь катализатор, который что-то усиливает, на что-то вдохновляет, преумножает. Но невозможно преумножить ноль. Так же как умножение отрицательного числа приведет к еще большему отрицанию.

Достоевский и вся классическая литература, по нашему мнению, это зеркало. Но зеркало не другой культуры или другой эпохи, а каждый раз зеркало направленное на самого себя, на читающего в конкретный момент времени человека, группы людей. Националист найдет в Достоевском бичевание Запада и католицизма, консерватор призыв к смирению, либерал стремление к реформе нравов, коммунист увидит страшную картину опустившегося городского мещанства. В той же степени западный читатель находит в Достоевском очень много своего, близкого: призыв к малым добрым делам, идею предопределения и самонаказания. Возможно именно в это и секрет таких русских авторов как Достоевский, Толстой, Набоков – каждый найдет в них что-то для себя.

Но тут мы подходим к иной, несколько более сложной проблеме. Проблеме коммуникации. Пример с романами Достоевского и американской критикой лишь наводит нас на более значительное обобщение. Ведь не только извлеченная из художественного текста информация никогда не будет идентично тому объему, которую вложил в нее автор. Этот закон герменевтики распространяется на любой текст, деловой и обыденный, устный и письменный. «Так бывает даже в разговоре, и насколько же уместнее это в случае, когда перед нами письменный текст, когда мы обретаемся в сфере смыс-

⁴⁷ Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва 1972. Стр. 246

ла, который доступен пониманию внутри себя и как таковой отнюдь не оправдывает обращения к субъективности другого человека»⁴⁸.

Мы подходим к проблеме, о которой писал еще Тютчев в стихотворении *Silentium*: «Мысль изреченная есть ложь». К сожалению, даже текст, произведенный носителем нашей же культуры, даже близким нам человеком, не будет понят нами более чем на 99%. А это значит, что человек никогда не будет понят другим до конца, так же, как и он сам до конца никогда не сможет понять другого. «Цель любого понимания — достичь согласия по существу»⁴⁹. И по существу мы понимаем друг друга, кто-то в большей, кто-то в меньшей степени, но в каждом из нас всегда остается что-то потаенное, что-то, что так хочется рассказать другому, но что обречено остаться только внутри нас.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Прогресс, 1990.
3. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного М.: Искусство, 1991.
4. Долинин А.С.. Последние романы Достоевского. Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М.-Л.: Советский писатель 1963.
5. Франклин Б. Жизнь Вениамина Франклина. Автобиография. <http://amstd.spb.ru/Library/sources/franklin.htm>
6. Фромм Э. Бегство от свободы. М: АСТ , 2009.
7. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2008.
8. Belknap Robert L. The genesis of the Brothers Karamazov: the aesthetics, ideology and psychology of text making. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 1990.
9. Jones Peter. Philosophy and the Novel: Philosophical Aspects of «Crime and Punishment», «The Brothers Karamazov». Oxford University Press 1975.
10. Van der Eng J., Meijer J.M. "The brothers Karamazov" by F.M. Dostoevskiy. The Hague; P., 1971.

⁴⁸ Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного М.: Искусство, 1991. Стр. 72

⁴⁹ Там же. Стр. 76